

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Задирако Е. С. (*Одесская государственная академия строительства и архитектуры, г. Одесса*)

Мы живем в эпоху обостренной экономической рефлексии, напряженного и утонченного экономического самосознания, когда вопросы экономического бытия властно заняли в мысли и чувстве одно из первых мест.

С. Булгаков «Философия хозяйства»

Наконец, после долгих лет топтания на месте мы приступили к реформированию нашей экономики, к созданию рыночного хозяйства. Но при этом у многих экономистов и юристов вызывает серьезнейшую тревогу вопрос о правильности выбора самой модели реформирования. Приверженцы неконсервативных или неолиберальных методов реформирования отечественной экономики учитывают ли наши реалии? Очень возможно, как писал видный американский ученый Милтон Фридмен в работе «Четыре шага к свободе», – посвященной проблемам реорганизации экономики стран Восточной Европы, – определить не конечный пункт нашего движения – современную рыночную экономику, а именно начальную точку пути к ней. Ведь ясно, утверждает он, что множество возможных, допустимых, реализуемых шагов, определяется не конечной, а начальной точкой. В достаточной ли мере учтено это обстоятельство нашими реформаторами и к каким последствиям можно привести недоучет конкретной ситуации?

Можно много рассуждать о причинах, способствующих восприятию рыночных идей и признанию необходимости реформ. Отметим лишь наиболее существенную. Кстати, среди некоторой части социологов, юристов и экономистов и по сей день бытует мнение, что проведение реформ было вызвано не объективными причинами, сложившимися в экономике страны, а чисто субъективными, волюнтаристскими решениями.

Наша экономика с начала 80-х годов пребывала в кризисном режиме

псевдоэкстенсивной экономики. Ее охарактеризовало перенакопление, скрытые избыточные «резервы труда» постоянное увеличение фондоемкости и капиталоемкости, утрата непрерывности процесса расширенного воспроизводства» рост доли незавершенного строительства, потеря стимулирующих функций заработной платы, снижение темпов роста, а затем и объемов производства. Явно проявилась тенденция к самораспаду экономики, с одной стороны, как следствие нарастающего бюджетного дефицита и отрыва денежного инвестирования от материального обеспечения, с другой – как результат неопределенности в воспроизводственном цикле, ведущей к разрыву денежных и натуральных оборотов на всех уровнях хозяйства.

К началу 90-х годов в народном хозяйстве спонтанно сложилась структура сырьевого и топливно-энергетического, инвестиционного и потребительского комплексов, представляющая его инвестиционную сбалансированность. Она сразу же стала работать в качестве основы инвестиционной инфляции. Распределение инвестиций осуществлялось пропорционально фондам, занятым в каждом из комплексов. Это несколько сдерживало инфляцию, эпицентром которой был инвестиционный комплекс. Однако одновременно действовал постоянный вектор экономических усилий, направляемых на номинальное выравнивание темпов роста инвестиций, общественного продукта и потребительских доходов. То есть инфляция служила как бы формой номинальной (и тем самым разрушительной – дефицитной и инфляционной) перестройки экстенсивной экономики в интенсивную. Чтобы такая перестройка была реальной, необходимы были капитализация экономики и переход к рынку.

Нормальная экономика не может существовать без рынка. Политизированная экономика создает свои особенные рыночные отношения в границах вторичной, политизированной структуры. Централизованная плановая экономика опирается на денежные отношения, имеет финансы, бюджет, банки в деньгах измеряет затраты, распределяет и продает продукцию по установленным ценам, финансирует инвестиции, заработную плату и другие доходы в рублях и т.д. Однако это – псевдорынок, где приоритет принадлежит не рыночным товарно-денежным отношениям, а отношениям денежно-бюджетным. Цены малоподвижны и регулируются в своей динамике бюджетным дефицитом. Посредническая предпринимательская деятельность отсутствует, спекуляция уголовно наказуема. Субъекты рынка – монополисты.

Именно макроэкономическая потребность в реформировании экономики обусловила необходимую глубину рыночной трансформации,

достигающую уровня первичной дополитизированной социально-экономической структуры общества. Денежные отношения сами по себе принадлежат к политизированной структуре общества и составляют псевдорынок. Такова была реальность.

Пассивность или активность людей в период реформирования экономики зависят от того, включен ли в алгоритм реформы парадокс, согласно которому государство, будучи субъектом реформы должно дистанцироваться в ее процессе от экономики. Пока получается прямо противоположное: государство создает не рыночную экономику вообще, а рыночную экономику государства. Рынок, его денежные обороты должны замыкаться на себя, а не на государственный бюджет. Стабилизация бюджета не может быть такой целью, которая покрывает главные проблемы создания рыночной экономики. Если же во главу угла поставлена стабилизация действующей финансово-денежной системы во главе с бюджетом, государство не меняет своего отношения к экономике – не дистанцируется. Реформа не должна проводиться таким образом, чтобы государство, выходя из экономики в одну дверь /например заменяя примат бюджетно-денежной системы приматом банковской/, возвращалось в другую /например как приватизатор, который проводит приватизацию административно, т.е. вне рынка, вне опоры на рыночные структуры и механизмы/.

Двойственное положение государства проявляется не только в области соотношения рынка и бюджета, но и в сфере товарного территориального рынка, который должен создаваться в процессе коммерциализации массовым хозяйственным творчеством трудящихся. Государство же сегодня ставит рабочих в пассивную позицию, подменяет массовое экономическое творчество администрированием. А из этого вытекает отсутствие социально-экономического базиса реформы.

Совершенно очевидно, что здесь выходят на поверхность и захватывают внимание общества стратегические пласты рынка, обуславливающие как эффективность, так и равномерность экономического роста и повышение благосостояния. И в той мере, в какой материальным базисом рыночной экономики на этом этапе являются динамические /вовлеченные в рыночные кругообороты и обороты/ и сбалансированные в динамике капитальные, товарные и денежные ресурсы экономического роста, целью этого этапа реформы должно стать институциональное оформление экономики, позволяющее четко отделить стратегический костяк народного хозяйства в виде крупных акционерных капиталов от рынка в целом и закрепить лидерство крупных капиталов

как основы общего циклического регулирования рынка.

Последнее жестко ставит проблему качества субъекта /собственника/ и субъективной структуры экономики. Должна быть сформирована с помощью государства в союзе с предпринимательской общественностью и финансово-денежной системой экономическая элита – держатель крупной акционерной собственности /устойчивых ядер экономики, в том числе крупнейших акционерных банков/. Потребуется не только продолжение процесса акционирования /через посредство совокупности крупных банков капитала/, но и коррекция приватизации: выкуп государством созданной на первых этапах частной собственности и ее перепродажа, а итоге экономика должна получить двух лидеров – капитал и государство, последнее – в роли социального субъекта, целью которого является социализация и гуманизация рынка.

Конечно, есть определенная общая логика развития цивилизации, в частности рынка, политической системы, социальной структуры. Можно вычленить даже некоторые закономерности перехода от тоталитаризма к авторитаризму и от последнего – к демократии. Но в каждой стране эти закономерности воплощаются по-своему. И это нельзя не учитывать, когда, речь идет о реформировании посткоммунистических обществ, где стоит задача отнюдь не модернизации экономики и демократизации режима, а создания и оазиса, и надстройки заново. В таких условиях механический слепок иного опыта может лишь завести в новый тупик.

Тот же Фридман сказал о вреде искусственного подхода к решению проблем Восточной Европы, сам попытался создать для нее модель, некие «правила игры», применимые скорее в лабораторных условиях. Они также основываются на опыте того, что уже некогда было, причем в иных цивилизованных условиях, но не учитывают реальности, порожденной коммунистическим наследием. Впрочем, быть может, действительно, западному человеку /даже аналитику/ трудно во всей полноте осознать степень перевернутости наших бытия и сознания.

Конечно, без приватизации, без формирования частной собственности нельзя заложить прочный фундамент для политических, экономических, гражданских свобод. Однако надо помнить, что у нас приватизацию приходится осуществлять не в чистых условиях эксперимента, а в обществе деформированном, в социально-психологическом климате органического неприятия не только всего частнособственнического, но и личностного. В нашем обществе десятилетиями вытраивался сам дух предпринимательства, риска, инициативы.

Учтем и то, что сама по себе приватизация – не абсолютная гарантия

формирования демократического режима; не все общества, основанные на частном рынке, достигали гражданской, личной и политической свобод. В тех или иных странах Восточной Европы нельзя исключить и вероятность того, что в ходе сложного и мучительного движения к рынку может возникнуть новый авторитарный режим неоконсервативного, националпатриотического либо популистского типа.

Во всяком случае уже сейчас в направлении авторитаризма двинулась Польша. Как бы то ни было, пока в истории не было случая выхода из тяжелого экономического кризиса при одновременном расширении демократии и политических свобод.

И вот здесь мы подходим к одной из самых серьезных ловушек, которые встретили на своем пути посткоммунистические общества. Для того чтобы осуществить болезненную операцию по переходу к рынку, новые власти вынуждены будут прибегать к силовым методам. Но где гарантия, что в своих экономических преобразованиях реформаторы до конца ликвидируют директивное управление – идеальную основу монополии на власть? Что если и у них возобладает искушение остановиться на полпути и попытаться сохранить лишь собственные позиции, не рискуя добиваться полного политического и экономического плюрализма?

А вот еще один замкнутый круг. Во всех названных странах политические реформы опережают экономические. В результате мы получаем новую систему власти, которая возникает при сохранении прежнего хозяйственного базиса, архаичной социальной структуры. В таких условиях трудно избежать непоследовательности, неустойчивости власти, разрывов между нею и социальной материей. А это, в свою очередь, осложняет осуществление целенаправленных рыночных преобразований. Очевидно, основные противоречия перехода к новому обществу и в Восточной Европе, и в нашей стране возникнут на стыке политики и экономики, политики и идеологии, т.е. в сфере сочетания различных видов свобод, но пока эти противоречия не проявились в полной мере, и иногда они трудноосязаемы.

Но своеобразие условий, в которых формируются противоречия перехода от этатизма к демократии и рынку, не означает, что бессмысленны все попытки сформировать модель их разрешения. Просто такая модель не может быть одномерной, не может не учитывать качеств той среды, в которой предполагается ее реализовать. Напомним и другую известную истину: при осуществлении любой схемы, даже, казалось бы, полностью отвечающей реалиям, полученный результат не совпадает с

ожиданиями. Все это еще более удлиняет путь. На этом пути по только возможны, но и неизбежны разные повороты, опрокидывающие все схемы. К новому качеству нельзя перейти, усвоив лишь правила игры в четыре хода. Возможно на этом пути еще долго придется играть не по правилам, принятым в цивилизованном мире.

Рынок не рождается спонтанно из хаоса неорганизованной общественной жизни. Он создается целеустремленными действиями ответственных политических и общественных сил. Так было всегда, начиная от первых ближневосточных государств, которые обеспечивали безопасность движения торговых караванов на всей территории Передней Азии. Так было в предкапиталистической феодальной Европе, где только от согласия всевластных сеньоров зависело, пропускать или нет торговцев и покупателей на регулярно организуемые ярмарки Лиона или Шампани. Это давало возможность функционировать проторыночным механизмам и благоприятствовало тем самым первоначальному накоплению капитала. Так поступает сейчас Китай, взяв курс на строительство современного рыночного хозяйства внутри оболочки традиционной социалистической идеологии и авторитарного политического режима.

Регулярное воспроизводство населения страны – первичное и обязательное условие существования любых экономических, социальных и политических общественных форм, в которых воспроизводство, совершается. А это означает, что, решив сменить несовершенную общественную форму /тоталитаризм, социализм, командно-административный тип регулирования производства и т.д./ на более «цивилизованную», не следует при этом убивать вместе со старой формой облаченный в нее живой организм. Между тем множество признаков говорят за то, что именно это происходит у нас в ходе политической перестройки и экономической реформы.

Современная западная экономика, на которую ориентируется наша реформа, построена не только по рыночным стандартам. Теория регулирования не случайно настаивает на системном подходе к любому способу производства. Наряду с конкуренцией в современной экономике, как плод естественноисторического развития, вмонтированы и другие блоки: технологически рационального разделения трудовых операций в рамках внутрифирменной организации производства, включая жесткое планирование и командное управление; оправдавших себя при всех экономических режимах приемов государственного вмешательства в экономику, институционально-правового нормативного обеспечения хозяйственной деятельности и многое другое, из чего в совокупности и

складывается современный «цивилизованный» способ эффективного производства,

Другими словами, задача заключается не столько в том, чтобы принять радикальные реформы, сколько в обеспечении их последовательного проведения в жизнь путем создания новых механизмов экономического развития с такой скоростью и в таких масштабах, которые соответствовали бы скорости и масштабам разрушения старых.

При постановке задачи возрождения рынка на первый план обычно выдвигается проблема создания условий обеспечения технология его функционирования – формирования таких жизненно важных элементов рыночной инфраструктуры, как хозяйственное право, реальная экономическая статистика, сеть самых разнообразных посреднических организаций, банковская сеть и т.д.; проведение структурной перестройки и конверсии оборонной промышленности; обеспечение процессов демонополизации и условий для конкурентного климата в хозяйственной среде. При этом, к сожалению, крайне мало или совсем не уделяется внимания такой проблеме, как формирование рыночного менталитета и корпуса грамотных и творческих менеджеров и предпринимателей – локомотива, который способен вывезти гигантский, тяжелый и неповоротливый поезд отечественного хозяйства из глубокого кризиса, приведшего страну на грань катастрофы. Между тем утрата основной массой населения представлений о нормальной цивилизованном рынке является главным препятствием на нашем пути.

С глубоким прискорбием приходится констатировать, что фундаментальных знаний о рыночной системе экономики, основанной на этике и праве, не имеют не только основная масса рядовых работников и даже хозяйственных практиков, но и значительная часть ученых-экономистов и юристов, которые в первую очередь и нуждаются в переучивании или переподготовке. Для многих это весьма сложный поворот в их жизни, без которого, однако, невозможно удержаться на плаву в новых условиях.

Возможно, самая страшная пагуба долгие годы проповедуемого у нас марксизма-ленинизма состоит в том, что экономика была сведена к чисто материальному механическому процессу простого или расширенного воспроизводства, тогда как производить и воспроизводить – значит творить. Творить каждый день по-новому, даже в условиях инертности самой материальной части производственного процесса. Человек оплодотворяет своей мыслью и духом живой и мертвый природный материал, рождая творческий акт, окончательный результат которого очень часто /если это действительно творческий акт/ в значительной степени

не известен для него самого. Так рождаются новые технологические, экономические, социальные, политические схемы, новые модели, новые материалы и т.п. Словом, то многое, что в совокупности мы сегодня привыкли называть термином научно-технический прогресс.

Этот процесс сам по себе также носит отпечаток механицизма и вульгарного материализма, когда вся человеческая деятельность по преобразованию окружающей среда направлена лишь на повышение комфортности существования, пренебрегает пагубными ее последствиями, в конечном итоге сказывающимися и на физическом состоянии самого человека. Таким образом, механизм и материалы, рожденные в человеческом сознании, производят страшную работу по постепенному, порой незаметному самоуничтожению человека и снаружи, и изнутри.

Решение проблемы восстановления нормального рынка осложняется тем фактом, что в естественных условиях теория и практика обычно идут рядом, дополняя друг друга. В нынешний же переходный период люди, как правило, должны получить представление о хозяйственной системе, которой еще нет, но которая должна появиться в результате реформ, радикальным образом преодолевающих общепринятые представления о методах и формах хозяйствования, а это существенно труднее.

Однако самый интересный парадокс заключается в том, что рыночный менталитет вовсе не означает абсолютного экономизма мышления, как это понимают многие юристы и экономисты. Если подойти к проблеме его формирования с более широких позиций, то мы должны прежде всего отметить, что рыночные, экономические отношения между людьми — лишь часть общей совокупности этических норм, лежащих в основе социального бытия. Этот момент очень часто упускается как нашими учеными-экономистами, считающими себя профессионалами, так и многими публицистами-экономистами, скромно называющими себя любителями.

Между тем признанные теоретики политической экономии, к которым наша официальная наука до последнего времени относилась с известным высокомерием и пренебрежением, в своих трудах постоянно отмечали одно важнейшее положение: экономика как наука о рациональном и эффективном хозяйстве имеет дело в основном с так называемым «экономическим человеком», оценивающим любую хозяйственную ситуацию с исключительно экономической позиций. В реальной жизни обычно человек — существо, плохо предсказуемое, поведение его далеко не всегда рационально не только с экономической точки зрения, но и с позиций так называемого «здорового смысла», и ждать от него, как правило,

рациональных, тщательно выверенных экономических решений – дело практически безнадежное.

Формирование рыночного менталитета – путь не только весьма сложный, но и социально небезопасный, если не учитывать его на первых порах незаметных, но очень коварных спутников – рыночного и тесно связанного с ним денежного фетишизма, а также специфического для нас валютного фетишизма, грозящего пустить страну по миру. Действительно, в основе рыночной модели хозяйствования лежит частная собственность. Именно она обеспечивает свободу творчества, принятия экономически эффективных решений, а следовательно, обеспечивает рост производства и благосостояния. Однако не следует забывать, что «собственность же может сделать человека рабом материального мира, рабом объектов». /Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. Париж. 1939. С. 155/. В наше время собственность все больше и больше теряет индивидуальный характер. Таков прежде всего характер денег, этого по словам Бердяева, «великого поработителя человека и человечества».

Не следует также забывать, что нынешние зрелые формы рыночной экономики корнями уходят в протестантскую этику, основанную на религиозной аскезе. В своем фундаментальном труде «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер подчеркивал, что «по мере того, как аскеза перемещалась из монашеской кельи в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нравственностью, она начинала играть определенную роль в создании того грандиозного космоса современного хозяйственного устройства, связанного с техническими и экономическими предпосылками механического и машинного производства, который в наше время подвергает неодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль». При этом же Вебер отмечал, что забота о мирских благах, которая должна обременять пуританина не более, чем легкий плащ, который можно в любое время сбросить, превратилась волею судеб в «стальной панцирь». Тем не менее тень, призрак религиозной идеи в той или иной форме «бродит по миру» /Вебер, М. Избранные произведения, М. 1990, С. 206/.

Иное дело – рыночный фетишизм, соединенный с нашим извращенным экономизмом. В социальном плане он может дать таких мутантов, о которых пока можно только догадываться.

В нормальной рыночной экономике в результате длительного эволюционного развития общественные силы уравнивались, создавая тот благотворный фон социального консенсуса, который и позволяет странам обеспечивать устойчивое национальное экономическое

развитие. Это равновесие между силами центральных государственных структур, осуществляющих общее руководство страной, и силами территориальных юридических, национальных и хозяйственных автономий, силами вертикальной и горизонтальной организации общественной жизни, между силами, объединяющими работодателей и наемных работников и т.д. наконец, это равновесие между стихийными силами рынка и силами, осуществляющими прямое или косвенное администрирование, без которых не может существовать ни одно национальное рыночное хозяйство. Отсутствие надежной административной власти неизбежно ведет к хаосу. Страна, долгое время жившая в условиях жестких административных ограничений центральной власти, внезапно лишившись всякого административного стержня, затягивается в пучину хаоса тем скорее и глубже, чем резче и непродуманнее происходит разрыв со старым типом регулирования. В этих условиях стихия рынка может превратиться в мощную разрушительную силу, способную принести больше вреда, чем пользы. Поэтому и переход от плановой экономики к рынку проходит очень трудно, а не плавно с использованием позитивных моментов государственного планирования как способа прогнозирования экономического развития, государственного регулирования как способа упорядочения экономических процессов. Во всех высокоразвитых странах роль государства как орудия социально-экономической политики правительства и производителя общественных благ возросла. В современной рыночной экономике не стихийный рынок, а государство становится субъектом общеэкономического процесса, вмешивается в производство и обращение, как с помощью налоговой и денежной политики, так и путем прямого финансирования производства каких-то приоритетных товаров и услуг. Вмешивается и регулирует, но не берет на себя все: цены, акционирование, приватизацию и т.п., как это до сих пор происходит у нас. Государство, а точнее, правительство, должно что-то уступить профессионалам и субъектам истинного, а не псевдорынка, которой мы пока строим.

И все-таки взятый курс на приватизацию правилен, другого пути нет. При этом самая большая опасность – это дискредитировать рыночную экономику из-за ошибок, непродуманности, отсутствия профессионализма, а самая большая надежда кроется в нашем народе, которому, правда, еще нужно преодолеть привычную психологию, перестать надеяться на кого-то, кто решит его проблемы. Когда большинство населения почувствует себя собственниками или людьми, сопричастными к результатам своего труда, реформы обретут реальный шанс на успех.